

почве. «„Ересь жидовствующих“ можно считать неким „Возрождением“, некоей „Реформацией“, насажденной в России, которая жаждала выхода новым общественным силам», — указывал А. С. Орлов.⁹³ «Есть основание думать, что в этой ереси мы имеем отзвук идей, зародившихся в эпоху Ренессанса», — замечал Н. К. Гудзий.⁹⁴ «Это была не столько „богословская ересь“, сколько умственное светское антиклерикальное течение, связанное своим происхождением и направленностью с ранним европейским гуманизмом», — писал в коллективной «Истории русской литературы» Д. С. Лихачев.⁹⁵

Столь значительная переоценка роли ереси в истории Русского государства и русской культуры, естественно, должна была бы привести к изменению взгляда и на другие идеологические течения конца XV—начала XVI в. Если ересь действительно имела столь широкое значение, как полагают советские литературоведы и историки, то неизбежно встает вопрос, как отразилось еретическое движение на идеологической борьбе этого времени в целом.

Вопрос о влиянии еретических движений на идеологию «воинствующих церковников» — иосифлян — был поставлен в советской научной литературе двумя авторами — Б. А. Рыбаковым и А. А. Зиминим. Б. А. Рыбаков видел в иосифлянстве своеобразную «реформу монастырей», «объединение и перевооружение церковного воинства, изменение его тактики и приемов». Главной предпосылкой этой реформы автор считал «обострение классовых противоречий» в конце XV—начале XVI в. и, в частности, «борьбу городов с феодальной знатью», нашедшую свое отражение в ереси.⁹⁶ А. А. Зимин также начинает историю иосифлянства с характеристики «реформационно-гуманистического движения», всколыхнувшего «самые различные классы русского общества». «В такой обстановке, — пишет он, — возникает и развивается политическая и публицистическая деятельность новгородского архиепископа Геннадия и его ученика Иосифа Санина, направленная на охрану господствующей церкви против народно-реформационного движения».⁹⁷

Однако, интересно поставив вопрос о влиянии еретического движения на учение Иосифа Волоцкого и о характере иосифлянства вообще, Б. А. Рыбаков и А. А. Зимин не дали более широкой характеристики общественных движений конца XV—начала XVI в.

Такая характеристика выходила бы за рамки их небольших статей, посвященных Иосифу Волоцкому и иосифлянам; вопрос о ереси и особенно о направлении Нила Сорского имел только косвенное отношение к темам обеих статей.

Еще менее склонны были к пересмотру общей характеристики идеологических движений конца XV—начала XVI в. другие авторы, писавшие о литературе или истории этого периода.

В большинстве трудов, трактующих вопросы истории общественной мысли в период образования Русского централизованного государства, характеристика идеологической борьбы между сторонниками Иосифа и Нила остается как бы изолированной от вопроса о ереси; связь между этими идеологическими конфликтами не устанавливается. Вопросы эти зачастую

⁹³ А. С. Орлов. Древняя русская литература, стр. 250.

⁹⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, стр. 276—277.

⁹⁵ АИРЛ, стр. 378.

⁹⁶ Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI века. — Антирелигиозник, № 3. М., 1934, стр. 24.

⁹⁷ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. — ТОДРЛ, IX. М.—Л., 1953, стр. 164—165.